

DOI 10.32726/2411-3417-2020-2-38-54

УДК 330; 339

Владимир Кондратьев

Перспективы неолиберализма

Аннотация. В странах Запада в последние годы новый импульс получили дискуссии относительно будущего неолиберального капитализма. Доминирующая неолиберальная модель, ставящая во главу угла косвенные методы регулирования, ослабление роли государства, максимальную свободу торговли и движения капитала, вызывает критику как слева, так и справа. Многие развивающиеся страны, со своей стороны, стараются не следовать неолиберализму. Накопленный в мире разнообразный опыт позволяет предвидеть векторы дальнейшего развития и вероятные трансформации экономической политики в постнеолиберальном мире.

Ключевые слова: неолиберализм, экономическая политика, регулирование экономики, роль государства, глобализация, неравенство возможностей.

Современные концепции неолиберализма

Спустя десять лет после глобального финансового кризиса начались широкие дебаты в США и Европе по поводу будущего моделей капиталистической экономики и необходимости нового экономического мышления [См., например: Rodrik Rescuing...]. Эта дискуссия стимулировалась экономическими неудачами, способствовавшими не только кризису, но и более глубокому пониманию того, что доминирующая неолиберальная парадигма принесла неудовлетворительные результаты многим людям во многих странах на протяжении многих лет. В последнее время исследователи и политические деятели левого и правого толка в США, Великобритании, Франции и Германии начали искать альтернативные возможности построения и организации общества.

Дебаты также разгорелись и в развивающихся странах, где неолиберализм распространялся в рамках политики Вашингтонского консенсуса, проводимой Мировым банком, Международным валютным фондом и Министерством финансов США. Но даже на пике своей популярности эта политика не была универсальной для экономического развития. Неоклассическая экономика всегда сталкивалась с трудностями в решении ключевых проблем развития. Как построить нацию на развалинах колониализма? Как выстроить сильные и эффективные институты и правоприменение в странах со слабой и неэффективной бюрократией? Являются ли конкурентные преимущества в сельском

Сведения об авторе: КОНДРАТЬЕВ Владимир Борисович — руководитель Центра промышленных и инвестиционных исследований ИМЭМО РАН, доктор экономических наук, v.b.kondr@imemo.ru.

хозяйстве единственным фактором устойчивого развития в развивающихся странах? Является ли иностранная помощь необходимой, достаточной или даже полезной? Играть ли мировая торговля, инвестиции и налоговые правила против развивающихся стран? Эти ключевые вопросы не находят исчерпывающих ответов в экономике неоклассического равновесия.

Термин «неолиберализм» является очень спорным, поскольку он часто используется разными людьми для обозначения разных явлений. Можно выделить три разные, но связанные между собой концепции неолиберализма.

Неолиберализм как образ мысли

В 30-е годы, когда рыночная экономика столкнулась с вызовом нацизма и коммунизма и (в меньшей степени) кейнсианства, группа либерально мыслящих интеллектуалов в Европе и Америке почувствовала необходимость продвижения альтернативного дискурса, ставящего во главу угла приоритет ценового механизма, частных предприятий, конкуренции и беспристрастного государства. Эти люди самоорганизовались в рамках общества «Мон Пелерин» во главе с Фридрихом фон Хайеком в 1947 г., охватив в последующем ряд мозговых центров, университетов и средств массовой информации. До сих пор эта активная группа неолиберальных ученых и историков оказывает существенное влияние на общественную мысль [Slobodian].

Неолиберализм как академическая теория

В этом значении неолиберализм относится к академическим исследованиям экономики на основе неоклассических моделей. Эти модели являются неолиберальными в том смысле, что основываются на индивидуальном выборе характера потребления и производства. Агрегированные предпочтения индивидуумов и фирм ведут к формированию кривых предложения и спроса, которые и составляют сам рынок. Исходя из того, что эти агенты оптимизируют принятие своих решений, экономисты предполагают формирование стабильного и оптимального равновесия в экономике. Государству также отводится определенная роль в области налогов и расходов, которая должна максимизировать функцию социального благосостояния. Во второй половине XX в. неоклассическая экономическая теория стала ортодоксально доминирующей в университетах Европы и особенно США.

Неолиберализм как политическая практика

В данном случае неолиберализм составляет суть экономической политики, которая проводится разными государствами, исповедующими те же принципы индивидуализма и рынка, что и неолиберальные мыслители. С конца XX в. проводимый М. Тэтчер в Великобритании, Р. Рейганом в США и А. Пиночетом в Чили неолиберализм как политическая практика провозгласил мантру «стабилизации», «приватизации» и «либерализации». Он признавал за государством только легкое вмешательство и регулирование (прежде всего в финансовой области) и исключал всякую промышленную политику,

а также использовал логику рыночной конкуренции в деле перераспределения ресурсов, где только возможно, включая образование и здравоохранение. Принцип неолиберальной политики был поддержан организованным движением интеллектуалов и распространением неоклассической теории экономики.

В настоящее время определение неолиберализма ставится под сомнение не только потому, что оно часто используется для этих трех пересекающихся между собой, но не идентичных концепций, но и потому, что во всех этих случаях нет единой определенной идеи, а присутствует скорее совокупность двусмысленностей. Например, основатели общества «Мон Пелерин» пришли к согласию в отношении идеологии приоритетности рынка над централизованным планированием, но разошлись относительно вопросов социальной политики. Или, скажем, существует достаточно много вариантов неоклассической экономики, таких как монетаризм и экономика предложения. Имеют также место дискуссии и разногласия между приверженцами ее практик. В качестве политической практики неолиберализм приспособлялся теми или иными элитами к местным условиям и особенностям, что приводило к значительным расхождениям [Ban].

Такая пластичность позволила некоторым критикам даже говорить о бессодержательности этого термина [Conway]. Наиболее политизированным и, следовательно, наиболее размытым остается значение неолиберализма как политической практики. Тем не менее существует ряд фундаментальных принципов, которых придерживаются практики неолиберализма при проведении экономических и политических реформ. К этим принципам относятся:

- приоритет частной собственности; свобода заключения контрактов с другими частными агентами находится в центре экономической свободы и является условием всех других свобод;
- конкуренция и рыночные механизмы — лучшие формы организации экономики, политики и общества;
- роль государства и международных институтов заключается в обеспечении прав собственности и защите рынка от «популистских» вызовов.

Таким образом, основными направления неолиберальной политики, особенно для развивающихся стран, выступают:

- дерегулирование местных рынков и устранение контроля над ценами для поощрения конкуренции;
- приватизация государственных предприятий и, по возможности, перевод сферы услуг (коммунальное хозяйство, здравоохранение, образование) на рыночные принципы;
- либерализация финансовых рынков;
- минимизирование торгового протекционизма и открытие национального рынка для международной конкуренции;
- ограничение возможностей государства по формированию бюджетного дефицита и аккумулированию долга;
- устранение государственных субсидий и «отбора победителей» среди национальных фирм и отраслей;
- усиление юридической защиты прав собственности.

Обращает на себя внимание, что неолиберальная повестка ничего не говорит о вопросах экологии и неравенства и не предполагает каких-либо действий в этих направлениях. Иными словами, у неолиберальной практики существует набор приоритетов, которых она придерживается, оставляя за бортом менее значимые, с ее точки зрения, вопросы. Более того, неолиберальная практика часто игнорирует даже некоторые постулаты самой неоклассической теории, которая допускает провалы рынка и государства, а также ранжирование социальных приоритетов.

Неолиберализм под угрозой

Надо отметить, что термин «неолиберализм» чаще используется его противниками, чем сторонниками. Антинеолиберальная риторика характерна для антиглобалистского движения уже на протяжении десятилетий. На многих развивающихся рынках наблюдается отход от неолиберализма, достигший своего пика в 1990-е годы. С тех пор случился ряд экономических и политических потрясений и шоков, начиная с азиатского финансового кризиса и кончая движением «Розовый прилив» в латинской Америке и «Арабской весной», которые заставили политиков проводить более интервенционистскую и менее догматичную экономическую политику.

Нынешнее сопротивление ортодоксальному неолиберализму наблюдается не только в периферийных странах развивающегося мира, но и в самом центре этой идеологии — США и Великобритании. Неолиберализму бросают вызов не только левые критики и традиционные его противники, но и консервативные институты. Внутри академического сообщества набирает силу неортодоксальный подход к экономической теории [Mason]. Даже в среде экономического мейнстрима наметилось четкое движение прочь от исследования «гомо экономикус» — идеализированного неолиберального, абсолютно «совершенного» и эгоистичного индивидуума — в сторону включения в анализ элементов психологии и социологии и приближения к реальному миру.

Тем временем и среди политиков антинеолиберальный подход набирает силу — как на правом фланге (в Венгрии и Польше), так и на левом (в Мексике). Растущая оппозиция неолиберализму тесно связана с чувством неудовлетворенности от процесса глобализации, утратой доверия к основным международным институтам. Например, компания Edelman Trust Barometer в 2018 г. провела опрос и установила, что в 20 из 28 ведущих стран мира более 50% населения не доверяет существующим институциональным структурам, деятельность которых базируется на неолиберальных принципах [2018 Edelman...].

Эксперты выделяют пять основных факторов утраты неолиберализмом своей популярности.

Успех Китая

Сегодня Китай — предмет зависти многих развивающихся стран благодаря своему историческому успеху в деле сокращения бедности и обеспечения высоких темпов

экономического роста. Сначала успех Китая пытались объяснить в рамках неолиберальной концепции, как результат рыночно ориентированных реформ, обеспечивших впечатляющее экономическое развитие. Но надежда неолибералов на то, что экономическая либерализация приведет, в свою очередь, к политической, не оправдалась, и поэтому данный опыт нельзя рассматривать в качестве неолиберального успеха.

Что еще хуже для неолибералов, успешное экономическое развитие Китая является результатом сильного государства, государственных предприятий и государственного контроля над банковской системой и стратегическими отраслями, а также их координации в рамках государственного планирования. Независимо от роли технологий 5G, геостратегических планов типа «Один пояс — один путь» или «Сделано в Китае 2025», история Китая представляет собой иллюстрацию альтернативы неолиберализму.

Планетарные проблемы

Ученые по всему миру высказывают обеспокоенность по поводу глобального потепления и других планетарных проблем, решение которых необходимо для успешного экономического развития. Рыночные же решения, очевидно, оказываются недостаточными или неэффективными из-за слишком короткого периода целеполагания. Альтернативой рыночному подходу выступают коллективные усилия государств, в том числе в рамках развития наднациональных институтов. Киотский протокол был первой неудачной попыткой планового ограничения углеродных выбросов на глобальном уровне. Парижское соглашение по климату усиливает роль государства по сравнению с рынком, но рискует оказаться в положении «слишком мало и слишком поздно» при отсутствии механизма реализации. Ученые выступают за более активные действия государства в этом направлении, что не соответствует неолиберальной концепции.

Концентрация власти корпораций, особенно в наукоемких отраслях

Одна из центральных установок неолиберализма заключается в представлении о конкуренции как главном драйвере инноваций и прогресса, а также в контроле за усилением власти крупных корпораций. Неолиберализм — это непримиримый оппонент монополий и их союзов.

Сегодня с ростом крупных корпораций неолиберальный лагерь раскололся. С одной стороны, неолиберальная поддержка частных свободных предприятий и минимизации регулирования отвергает государственное вмешательство. С другой, возможности технологических компаний эксплуатировать цифровые платформы для достижения беспрецедентных масштабов производства приводят к чрезмерной концентрации экономической мощи. Годовой доход пяти компании (FAANG) — Facebook, Apple, Amazon, Netflix и Google — достигает 1 трлн долл., что эквивалентно ВВП Индонезии и больше соответствующего показателя Турции и Саудовской Аравии.

Размеры технологических компаний придают им чрезмерную силу и власть, которые пока трудно оценить. Использование социальных сетей и медиа для манипулирования

при голосовании, персональных данных и информации — для получения прибыли, потенциальное антиконкурентное поведение бьют в самое сердце неолиберализма с его приматом индивидуального выбора. Отношения между государством, как важнейшим игроком общества, и крупными корпорациями являются фундаментальным вызовом неолиберальным установкам, особенно в малых странах, у которых не хватает сил или понимания для эффективного выстраивания таких отношений. В развивающихся странах проблема захвата корпорациями государства возникла задолго до появления технологических гигантов. В довершении всего, технологические компании оказались в центре процесса ухода от налогов и перевода прибылей в более привлекательные юрисдикции, что дополнительно сокращало общественную поддержку глобализации.

Проблемы неравенства

По данным компании Oxfam, неравенство в мире вышло из под контроля: 1% самых состоятельных людей богаче остальных 6,9 млрд человек. Самые богатые в мире заплатили лишь 4% от всех налогов. Одна из причин такого сверхбогатства — снижение налоговых ставок для богачей и крупнейших корпораций, а также их уклонение от уплаты налогов, считают эксперты Oxfam [Time to Care]. С 1945 г. максимальная ставка подоходного налога в США достигала 90%, к 1980 г. она снизилась до 70%, а сейчас не превышает 40%. В развивающихся странах максимальная ставка налога на доходы еще ниже — 28%. В некоторых странах бедные люди и вовсе платят больше налогов, чем богатые. Например, в Бразилии эффективная ставка для 10% беднейших людей превышает 30%, а для 105 богатейших граждан составляет 20%. За 2011–2017 гг. средняя зарплата в странах G-7 выросла только на 3%, а дивиденды корпораций — на 31%. Рост неравенства мешает росту самой экономики. По расчетам МВФ, при увеличении доходов богатейших слоев населения на 1% рост ВВП замедляется на 0,1 п.п., а при аналогичном увеличении доходов беднейших — ускоряется на 0,4 п.п. [Холявко]

По данным ОЭСР, треть всех семей в развитых странах являются экономически уязвимыми и не имеют достаточных финансовых активов, чтобы поддерживать жизненные стандарты выше уровня бедности, по крайней мере, на протяжении трех месяцев в году. Высокий уровень имущественного неравенства является главным препятствием для межпоколенческого равенства возможностей. С ростом неравного распределения рыночных доходов ответственность государства в деле налогового перераспределения возрастает. В развивающихся странах с менее эффективной налоговой системой проблема исправления последствий распределения рыночных доходов стоит особенно остро.

Финансовые кризисы

Согласно данным МВФ, в период с 1970 по 2012 г. в мире произошло 432 эпизода систематических банковских кризисов или кризисов суверенного долга, что составляет примерно 10 кризисов в год [Valencia, Laeven]. Кризисы оказываются распространенным явлением, продуцируют долгосрочные макроэкономические эффекты и вызывают острые дискуссии относительно эффективности соответствующих политических мер

противодействия. По своей природе кризисы означают внезапное нарушение процесса равновесия. Неолиберальные принципы точечного регулирования, слабого государства и свободного движения капитала мало соответствуют желанию и необходимости борьбы с финансовыми кризисами. В таких разных странах, как Индонезия, Исландия или Ирландия, борьба с финансовыми кризисами увеличивала государственный долг до уровня в 70% от ВВП. Неоклассическая экономика мало что может сказать о том, как можно избежать кризиса или управлять им. Но размер и воздействие Великого финансового кризиса 2007/2008 гг., помноженные на отсутствие какой-либо системы раннего предупреждения, повергли в шок научное экономическое сообщество и существенно разрушили неолиберальные надежды, что рынки могут саморегулироваться и самонастраиваться.

Существующие глобальные экономические институты в общем и целом предназначены для проведения взаимозависимой политики среди стран с фундаментально похожими экономическими моделями и системами. Например, правила ВТО выделяют «рыночные» и «нерыночные» экономики, но не делают четких различий между разными подходами к организации экономики внутри этих двух групп. Это уже создает проблемы, поскольку члены ВТО не соглашались, например, с тем, что эта организация считает недопустимыми субсидиями [Wu]. Аналогичным образом большая часть советов, предлагаемых Мировым банком и МВФ, предполагает один «правильный» подход к управлению для всех стран.

Экономические стратегии и неолиберализм

Теперь осталось мало сомнений, что последние тенденции и события вышли за пределы «новой нормальности» и породили новую траекторию развития, отличающуюся от преобладавшей парадигмы экономического роста на базе глобализации. Это видно по новым направлениям экономической политики США, Брекзиту, напряженным отношениям в ЕС, резко возросшей роли Китая в мировой экономике, а также растущему неравенству и несправедливому распределению богатства даже в развитых странах. В новых условиях и обстоятельствах, связанных также с прорывными технологиями, ростом национализма, старением населения и доминированием Китая в Восточной Азии, развивающиеся страны сталкиваются с новыми проблемами в дополнение к старым.

В этих обстоятельствах принципы Вашингтонского консенсуса, включающие в себя глобализацию, свободу торговли, ее рост в рамках глобальных цепочек стоимости, свободный перелив капитала и транснациональных операций глобальных компаний, фундаментально меняются. Одни эксперты говорят о «Пекинской модели», другие — о фрагментации мира на региональные блоки или даже национальные экономические зоны. В рамках этого широкого спектра мнений развивающиеся страны склоняются к национально ориентированной стратегии развития, установлению большего контроля над капитальными потоками, более агрессивному управлению обменными курсами, более активному стимулированию государственных предприятий и более агрессивной промышленной политике.

Одним из наиболее успешных примеров в этом отношении оказался Сингапур, в котором государство инвестировало в квазипубличные компании и государственные корпорации на рыночных принципах, избежав при этом большой коррупции. Китай смог очень эффективно использовать принципы международного экономического порядка для проникновения на глобальные рынки, используя весь арсенал инструментов государственной политики [Rodrik Straight...].

Кроме Китая и Сингапура, эффективно использовали международные рынки в своих национальных экономических интересах также Малайзия (в 1980–1990-х годах) и Вьетнам (в 1990–2000-х годах). Малайзия, как и Сингапур, была селективна и настойчива в привлечении наукоемких иностранных прямых инвестиций и предоставляла стимулы для национальных предприятий, производящих компоненты обрабатывающей промышленности. Вьетнам организовал экспортные перерабатывающие зоны, которые привлекли гигантские объемы инвестиций и создали много рабочих мест. Государственные предприятия оказались особенно эффективными в отраслях естественных монополий. В других сферах они использовали государственные субсидии и дешевый кредит.

Сторонникам свободы торговли, базового принципа современного неолиберализма, придется сталкиваться с серьезной неспособностью ВТО решать проблемы регулирования сферы услуг, интеллектуальной собственности и государственного капитализма, а также противостоять последствиям Брекзита и сокращению эффективности отдачи от свободной торговли во всех крупных торговых союзах. Более того, текущая торговая война между США и Китаем переросла из экономической в острую политическую форму. Особенно неприятные последствия это несет для развивающихся стран, поскольку США и Китай, крупнейшие экономики мира, находятся в состоянии реформирования своей торговой политики, а будущие торговые соглашения несут на себе отпечаток серьезной неопределенности. Многие развивающиеся страны сталкиваются с жесткими преградами в их стремлении закрепиться в сегментах с большей добавочной стоимостью на рынках развитых стран. Для них обещания и ожидания того, что свобода торговли и открытость приведут к процветанию, на практике не материализовались. Разумеется, слабые результаты экспорта связаны и с такими факторами, как неразвитая логистика, высокие энергетические издержки и низкая производительность. Но эти обстоятельства еще больше подталкивают развивающиеся страны к импортозамещению и более агрессивной промышленной политике.

Важным фактором, работающим в противоположном направлении, остается китайский проект «Один пояс — один путь», который обладает потенциалом снижения некоторых инфраструктурных проблем и может стимулировать торговлю в будущем. Однако его реализация способна привести к дальнейшему росту задолженности Китая. Инвестиции в рамках этого проекта осуществляются на коммерческой основе, но их точные условия часто непрозрачны. Многие страны могут оказаться чрезмерно закредитованными и не получить желаемой отдачи от этого проекта, если инвестиции не будут тесно связаны с национальной экономикой.

В этой связи перспективы того, что международная торговля будет и дальше способствовать экономическому росту, весьма неопределенны и зависят от продолжительности и эффекта нынешних торговых конфликтов, способности международных систем найти новый политический баланс, а также от того, откажется ли Китай достаточно быстро от трудоемких отраслей, передав их в другие страны, пока новые технологии производства не успели устареть. В этих условиях развивающиеся страны стараются проводить политику, направленную на развитие и формирование конкурентных отраслей (по крайней мере, для региональных рынков) и ограничение деятельности некоторых глобальных игроков до тех пор, пока они не поделятся соответствующими своими технологиями. Такая политика будет успешной при условии стимулирования экономической активности национальных частных и государственных компаний.

Все страны имеют определенный набор стимулов, влияющих на перераспределение ресурсов, но некоторые проводят в этом отношении активную и агрессивную политику с четко установленными целями. Наиболее эффективно такая политика осуществляется в странах Восточной Азии. Разумеется, у этой промышленной политики есть определенные издержки, но она помогла таким странам, как Южная Корея и Китай, превратиться в ведущие экономики мира.

Агрессивная промышленная политика не была бы успешной без эффективного экономического управления, высоких норм сбережений и инвестиций, постоянного мониторинга и четкого долгосрочного видения экономики, поддерживаемого жесткими политическими мерами. Здесь уместно отметить некоторые общие особенности управления в странах, достигших наибольшего успеха. Общей объединяющей чертой таких стран, как Южная Корея, Малайзия, Сингапур и Китай в Восточной Азии, а также Руанда и Эфиопия в Африке, был стабильный и продолжительный политический режим, способный артикулировать и эффективно реализовывать долгосрочные экономические цели (таблица 1).

Как видно из таблицы, инструменты и средства, их интенсивность различны в разных странах, но одно нельзя отрицать: во время активной и агрессивной промышленной политики в каждой из рассматриваемых стран не происходило резкой смены политического режима, что обеспечивало непрерывность и последовательность в применении различных взаимодополняющих инструментов [Brady, Spence].

Большинство стран использовали политику предоставления субсидий. Однако ключевым элементом ее является разработка основы их предоставления и методов оценки их успешности. Так, в Южной Корее льготные кредиты предоставлялись при условии выполнения компаниями определенных экспортных обязательств с целью проникновения на зарубежные рынки, а также достижения компаниями, такими как Samsung и Hyundai, значительных размеров и превращения их в компании мирового уровня. Китай также стимулировал внутреннюю интенсивную конкуренцию для превращения национальных компаний в глобальные и обеспечивал их государственное финансирование. Таким образом, общей чертой обеих стран была организация жесткой конкуренции среди компаний, поскольку без внутренней конкуренции трудно добиться успехов в международной конкуренции [Leipziger, Dahlman].

Таблица 1

Факторы успешной экономической политики в ряде стран

	Южная Корея (1988г.*)	Сингапур (1979г.)	Малайзия (1995г.)	Китай (2010г.)	Вьетнам (2018г.)	Руанда (2020г.)	Эфиопия (2020г.)
Политика							
Макроэкономическая стабильность	да	да	да	да	да	да	да
Экспортная ориентация	да	да	да	да	да	ограниченная	средняя
Роль человеческого капитала	да	да	да	да	да	средняя	средняя
Селективная промышленная политика	да	в некоторой степени	да	да	да	да	в некоторой степени
Льготный кредит	да	нет	в некоторой степени	да	в некоторой степени	в некоторой степени	в некоторой степени
Государственные предприятия	ограниченно	да	в некоторой степени	да	в некоторой степени	в некоторой степени	в некоторой степени
Институты							
Управление	жесткое	жесткое	жесткое	хорошее	хорошее	жесткое	жесткое
Эффективная бюрократия	да	да	в некоторой степени				
Политическая стабильность	да	да	да	да	да	да	да
Четкость целей	да	да	да	да	в некоторой степени	да	в некоторой степени

Источник: Beyond Neoliberalism. Insights from Emerging Markets. Brookings Institution, N.Y. April 2019.

* Годы, указанные в таблице, отражают достижение страной уровня душевого дохода выше среднего по миру или 4000 долл. в ценах 2016 г. по критериям Мирового банка.

Изменения, происходящие в глобальной экономике, указывают на то, что существуют пределы открытости рынков. Происходят глубокие изменения в технологиях, что также накладывает ограничения на преимущества, ранее связанные с глобальными цепочками стоимости, и приводит к развитию процесса решоринга в развитых странах. Преимущества свободной торговли в будущем окажутся меньшими по сравнению с прошлым, и внешние источники роста будут более ограниченными [Constantinescu, Mattoo, Ruta].

В послевоенный период новые технологии обеспечили экономический рост и повышение жизненного уровня населения. При этом опасения, возникшие в 1960-х годах в отношении автоматизации производства и потери рабочих мест, большей частью не материализовались. Компьютерная революция резко увеличила эффективность и производительность. Последние же технологические достижения и интернет вещей, судя по прогнозам, окажут более глубокое воздействие на будущую занятость. Искусственный интеллект, роботы, беспилотные автомобили и другие подобные системы приводят к кардинальным сдвигам в характере и размещении производства. Это выражается в реверсе процесса офшоринга товаров и даже услуг, таких как колл-центры. Полную картину влияния на торговлю и рынок труда пока трудно предугадать, однако направление сдвигов очевидно [Dahlman].

Новые технологии предлагают более дешевые и доступные услуги в области финансов, здравоохранения и информационного обеспечения. Но они способны существенно сократить низкооплачиваемые рабочие места. В этих условиях страны вынуждены прибегать к защите своих рабочих мест и повышать тарифные и нетарифные барьеры. В соответствии с предсказанием Дж. Стиглица, глобализация делит мир на выигравших и проигравших, выгоды от торговли снижаются, издержки адаптации растут, поддержка свободной торговли сокращается и национализм становится все более преобладающим в странах со средним уровнем дохода [Stiglitz].

Даже в развитых странах остро стоит проблема регулирования деятельности производителей новых услуг, которые достигли доминирующих позиций на рынке [Tirole]. Многие крупнейшие корпорации вышли из сектора цифровых технологий и манипулируют ценовой политикой, затрудняя появление новых компаний. Проблема может еще более обостриться по мере внедрения новых технологий в системы водоснабжения, коммунального хозяйства, городского транспорта и других секторов, где они еще не так широко представлены.

Государственная поддержка технологий и повышения квалификации связана с новыми типами государственных предприятий. Для малых по размерам и экономической мощи стран региональная кооперация приобретает решающее значение. Такой подход является отходом от глобальной открытости, пропагандировавшейся ГАТТ и ВТО, которая в настоящее время безвозвратно разрушена и заменяется двухсторонними соглашениями и защитой национальных интересов.

В последнее десятилетие резко возросла привлекательность государственных суверенных фондов национального благосостояния. Современное состояние экономики

свидетельствует о повышении их роли и в будущем. Формируется новая бизнес-модель государства с расширением государственного предпринимательства. Недавнее принятие Германией «Национальной промышленной стратегии 2030», которая включает меры по защите национальных компаний от поглощения их Китаем, поддержке и развитию национальных чемпионов и более глубокому участию государства в деятельности корпораций, — один из конкретных примеров этой тенденции [German IndustrialPolicy...].

Торговая политика продолжает свое движение в сторону двухсторонних и региональных форм, резко контрастируя с тенденцией предыдущих пяти десятилетий, а национальные цели доминируют над глобальными. По словам Д. Родрика, мы наблюдаем сжатие гиперглобализации [Rodrik The Globalization...]. Экономисты думают больше о М. Портере и меньше о Д. Рикардо, когда ищут пути усиления конкурентных позиций своих стран, предпочитая использовать стратегические инвестиции, более селективную защиту рынков и более активную поддержку новых отраслей и услуг. В условиях биполярного мира и доминирования США и Китая в глобальной экономике страны вынуждены искать новые стратегические альянсы. Идеологии типа неолиберализма все меньше соответствуют такой конфигурации доминирующих экономических акторов. Появляются перспективы возникновения большого разнообразия национальных политик.

В то же время в мире, где капитал значительно более мобилен, чем рабочая сила, и где технологии меняются со все возрастающей скоростью, появляется потребность в усилении политики, защищающей рабочие места и обеспечивающей приемлемый уровень доходов населения, находящегося на нижней ступени пирамиды благосостояния. Даже если такая политика осуществляется ценой краткосрочного экономического роста.

Неспособность защитить рабочие места и обеспечить достойный уровень доходов и жизненных стандартов — особенно для тех, кто пострадал в результате глобализации и быстрых технологических изменений — ставит под удар ключевые драйверы, обеспечивавшие последние тридцать лет экономический рост и рост благосостояния.

Некоторые экономисты идут дальше и утверждают, что без активной интервенционистской политики государства будет трудно остановить процесс концентрации доходов и богатства на самом вершине пирамиды [Piketty]. Существует также риск, что растущая концентрация богатства и доходов приведет к захвату институтов, рынков и политического процесса, что сделает перспективы вмешательства государства в процесс сокращения неравенства еще менее вероятным. Именно в этой области неолиберальная модель нуждается в коренном пересмотре.

Политические аспекты неолиберализма

Экономическая политика не существует в вакууме. Ее оформление и реализация зависят от политического процесса и от того, кто платит за это и кто получает выгоду. Эко-

номическая политика и ее результаты, в свою очередь, определяют общую политику и ее результаты. Эти две части невозможно отделить друг от друга.

Адепты неолиберализма часто игнорируют особенности политического процесса. Призывая к «хорошему управлению», неолиберализм делает акцент на «лучших практиках», полагая их универсально применимыми ко всем странам и игнорируя тот факт, что политический контекст может как способствовать, так и препятствовать проведению экономической политики.

Сегодня ясно, что политическая составляющая неолиберальной модели не была повсеместно успешной. Хотя число демократий в мире и увеличилось, много стран остаются авторитарными.

На волне кризиса 2008 г., нанесшего сильный удар по неолиберализму, многие аналитики посчитали, что такой глубокий сбой рыночного капитализма приведет к политическому полевению и отказу от ключевых неолиберальных принципов. Встал и вопрос, что же придет им на смену. Эксперты в США предположили возвращение к более регулируемому кейнсианскому либерализму. В Европе многие эксперты пошли еще дальше и предположили движение в сторону новых форм социализма.

В развивающихся странах неолиберализм также потерял после кризиса привлекательность и сторонников. И наоборот, китайская модель с жестким регулированием государства завоевала симпатии. В настоящее время экономическую модель в развивающихся странах можно охарактеризовать как смесь кейнсианства, неолиберализма и социализма.

В социальных науках уже давно идет дискуссия о взаимосвязях капитализма, экономического развития и демократии. Сторонники теории модернизации утверждали, что экономическое развитие является важным фактором развития демократии [Lipset]. Предполагалось, что развитие рыночных экономических институтов и демократических политических институтов идут рука об руку; что существует гармония между логикой экономического либерализма и демократическим принципом «один человек — один голос» и что индивидуумы действуют в своих собственных эгоистических интересах, что ведет к эффективным и стабилизирующим общество результатам.

В реальности оказалось, что взаимосвязь между демократической политикой и неолиберальной экономикой имеет более сложный характер. Многие либеральные экономисты использовали политические структуры для защиты рынка от давления тех, кого теперь именуют популистами и кто способен прийти к власти демократическим путем, и таким образом отделили рынок от демократии, особенно в послевоенный период [Slobodian]. Демократические требования к перераспределению богатства входят в естественное противоречие со слабо регулируемым капитализмом. В то же самое время надежды некоторых политических либералов на то, что экономическое развитие и либерализация в авторитарных странах, особенно в Китае, неизбежно окажут демократическое давление, оказались неоправданными.

При этом среди нынешних политических лидеров, проводящих нелиберальную политику, не наблюдается полного отказа от нелиберальной экономики. Так, Жаир Болсонару в Бразилии и Виктор Орбан в Венгрии придерживаются некой смеси нелиберальной экономической политики с элементами государственного интервенционизма [Kowalczyk]. Современные популисты часто используют громкую риторику против мультикультурализма, глобальной экономики и, особенно, миграции, но не обязательно отвергают глобальный капитализм.

Можно наблюдать существенные различия как среди демократических, так и среди авторитарных стран в выборе экономических моделей развития. Взаимосвязь между экономическим развитием и демократизацией не является настолько тесной, как предполагали раньше [Acemoglu, Johnson, Robinson, Yared].

После периода неопределенности, в течение которого было неясно, в каком направлении будет развиваться мир, 2016 г. принес волну, которую ассоциируют с популизмом и национальной идеологией. Эти явления возникли не в один день, они нарастали, набирали силу в течение 2000-х годов и получили значительную энергию в результате глобального финансового кризиса.

Нынешние подъем и распространение движений, которые можно назвать неонациональными или неонационалистическими, связаны с фрустрацией по поводу экономического неравенства, глобализацией и растущей потребностью самоопределения. Страны стали экспериментировать с новыми подходами к подотчетности и легитимности власти, не связанными с либеральной демократической моделью. Например, в Китае коммунистическая партия инициировала реформы, направленные на то, чтобы сделать многочисленную бюрократию более конкурентной и отзывчивой на нужды бизнеса с помощью «управляемой импровизации» между партийными боссами и местными органами власти [Ang]. Китайская концепция социального кредита не только служит повышению эффективности управления, но и влияет на рыночное поведение граждан и корпораций. Китайские граждане могут влиять на бюрократию посредством механизмов неформальной подотчетности, организованной вокруг групп солидарности, таких как церкви и храмы [Tsai]. Такие меры подотчетности служат более непосредственному участию населения в процессе управления на основе модели «пожарной тревоги», предлагающей гражданам выявлять те или иные проблемы. Более того, технологические достижения, снижающие издержки передачи информации, облегчают недемократическим режимам стимулирование подотчетности, прозрачности и легитимности. Механизмы цифрового управления позволяют государству выявлять запросы общественного мнения и быстро реагировать на изменения.

Другие страны, даже с более слабыми формальными институтами, также экспериментируют с новыми механизмами управления. Например, в Афганистане наблюдаются успешные попытки достижения ответственности и подотчетности с помощью институтов общины, которые стимулируют системы обратной связи между жителями и государством даже в отсутствие формальных основ демократического государства. В целом существует множество неформальных и косвенных методов, которые исполь-

зуют недемократические государства для реагирования на запросы населения. Таким образом, либеральная демократия может и не быть единственным механизмом утверждения легитимности в XXI в. Правящее государство в состоянии приобрести широкую легитимность посредством эффективного управления, а не через голосование. Многочисленные однопартийные — как де-юре (Китай, Вьетнам), так и де-факто (Сингапур, Эфиопия) — государства сохраняют стабильность, предоставляя материальные блага своему населению. В других, более клиентелистских странах, особенно на Ближнем Востоке, правительства остаются у власти, используя распределительную ренту для влиятельных групп интересов в обмен на предоставление материальных благ населению, фактически покупая его. Разумеется, когда государство старается достигнуть легитимности на основе эффективной экономической деятельности или распределительной ренты, а не демократических принципов, такая легитимность может оказаться хрупкой и быстро испариться перед лицом экономических проблем.

Тот факт, что некоторые недемократические страны могут добиваться подотчетности и легитимности, означает, что потребность в демократизации может оказаться менее значимой, чем ранее ожидалось. Старая глобальная борьба между либерализмом и коммунизмом, а позже между кейнсианством и неоклассическим либерализмом уступает место новым схваткам. Капиталистической либеральной демократии теперь противостоят, с одной стороны, авторитарная капиталистическая модель, сочетающая однопартийную систему и глубокие связи между государством и частным сектором, интеграцию в глобальную экономику и частичное использование рыночных механизмов при распределении ресурсов, а с другой — неонационалистическая модель, строящаяся на примате национально-государственных интересов.

Экономический успех и политическая стабильность многих авторитарных стран вызвали значительный интерес к возможности распространения этой модели. Китай, безусловно, представляет собой наиболее показательный пример в этом отношении. Существует и ряд других стран, включая Сингапур, Вьетнам и Эфиопию, которые взяли на вооружение некоторые методы авторитарного капитализма. Эти страны стараются интегрироваться в глобальную экономику, оставляя стратегические отрасли под контролем государства. По мере того как Китай и другие авторитарные страны включаются в потоки иностранных инвестиций и укрепляют связи с развивающимися странами, привлекательность такой модели может получить дальнейшее распространение.

Современный подъем неонациональной (неонационалистической) политики выступает как ответ на эксцессы глобализации и космополитизма. Эта тенденция может вылиться в новую идеологическую борьбу, поскольку противоречия и вражда между неонационализмом и либерализмом более глубоки, чем между разными направлениями либерализма. Неонациональная идеология представляет собой серьезный вызов глобализации. Авторитарные капиталистические страны и либеральные демократии в состоянии сосуществовать на международной арене, с теми, кто исповедует идеи неонационализма, дело обстоит сложнее. В этой связи можно ожидать в перспективе более хаотичного международного порядка, функционирование которого оставляет больше вопросов, чем ответов.

Литература

- Холявко А. Состояние 1% богатейших людей в мире больше, чем у остального населения // Ведомости, 20.01.2020. — URL: vedomosti.ru/economics/articles/2020/01/20/821057-sostoyanie-bogateishih (date of access: 14.04.2020).
- 2018 Edelman Trust Barometer: Global Report. — URL: edelman.com/sites/g/files/aatuss191/files/2018-10/2018_Edelman_Trust_Barometer_Global_Report_FEB.pdf (date of access: 14.04.2020).
- Acemoglu D., Johnson S., Robinson J., Yared P. Income and Democracy // American Economic Review VOL. 98. NO. 3. JUNE 2008. P. 808–842. — URL: aeaweb.org/articles?id=10.1257/aer.98.3.808 (date of access: 14.04.2020).
- Ang Yuen Yuen How China Escaped the Poverty Trap. Cornell University Press. 2016.
- Ban C. Ruling Ideas: How Global Neoliberalism Goes Local. Oxford University Press. 2016.
- Brady D., Spence M. Leadership and Growth: Commission on Growth and Development. World Bank. 2010. — URL: openknowledge.worldbank.org/handle/10986/2404 (date of access: 14.04.2020).
- Constantinescu C., Mattoo A., Ruta M. The Global Trade Slowdown: Cyclical or Structural. Working Paper. IMF. Washington. 2015. No. 15/6. — URL: imf.org/en/Publications/WP/Issues/2016/12/31/The-Global-Trade-Slowdown-Cyclical-or-Structural-42609 (date of access: 14.04.2020).
- Conway E. What is Neoliberalism and Why Is it an Insult? // SkyNews. 15.05.2018. — URL: news.sky.com/story/sky-views-what-is-neoliberalism-and-why-is-it-an-insult-11373031 (date of access: 14.04.2020).
- Dahlman C. New Technologies, Jobs, Growth, and Development // The Growth Dialogue. 2017. №4. — URL: growthdialogue.org/growthdialog/wp-content/uploads/2017/11/Policy-Brief-14-Dahlman.pdf (date of access: 14.04.2020).
- German Industrial Policy Comes Back to the Fore // Financial Times. 05.02.2019. — URL: ft.com/content/49a5920c-2954-11e9-88a4-c32129756dd8 (date of access: 14.04.2020).
- Kowalczyk M. Hungary's unorthodox economic policies // Obserwator Finansowy. 18.05.2017. — URL: obserwatorfinansowy.pl/in-english/macro-economics/hungarys-unorthodox-economic-policies/ (date of access: 14.04.2020).
- Leipziger D., Dahlman C., Yusuf S. Economic Challenges for Korea:
- Lipset S.M. Some Social Requisites of Democracy // American Political Science Review. 1959. Vol. 53. № 1. P. 69–105. — URL: cambridge.org/core/journals/american-political-science-review/article/some-social-requisites-of-democracy-economic-development-and-political-legitimacy/1/26559429359F42D3E9B8BC82CA65546A (date of access: 14.04.2020).
- Mason J.W. Pulling Rabbits Out of Hats // Jacobin. 29.11.2018. — URL: clck.ru/NMfoR (date of access: 14.04.2020).
- Mega-Trends and Scenario Analyses. Korea Institute for International Economic Policy. Seoul. 2017.
- Piketty T. Capital in the Twenty-first Century. Cambridge, MA. 2014.
- Rodrik D. Rescuing Economics from Neoliberalism // Boston Review. 06.11.2017. — URL: bostonreview.net/class-inequality/dani-rodrik-rescuing-economics-neoliberalism (date of access: 14.04.2020).
- Rodrik D. Straight Talk on Trade: Ideas for a Sane World Economy. Princeton. 2018.
- Rodrik D. The Globalization Paradox. N.Y. 2011.
- Slobodian Q. Globalists. The End of Empire and the Birth of Neoliberalism. Harvard University Press. 2018.
- Stiglitz J. Globalization and Its Discontents Revisited. N.Y. 2017.

- Time to Care. Unpaid and underpaid care work and the global inequality crisis. Oxfam Briefing Paper. January 2020. — URL: [ousweb-prodv2-shared-media.s3.amazonaws.com/media/documents/FINAL_bp-time-to-care-inequality-200120-en.pdf](https://www.oxfam.org/~/media/documents/FINAL_bp-time-to-care-inequality-200120-en.pdf) (date of access: 14.04.2020).
- Tirole J.* Regulating the Disrupters // Project Syndicate. 09.01.2019. — URL: [project-syndicate.org/onpoint/regulating-the-disrupters-by-jean-tirole-2019-01?barrier=accesspaylog](https://www.project-syndicate.org/onpoint/regulating-the-disrupters-by-jean-tirole-2019-01?barrier=accesspaylog) (date of access: 14.04.2020).
- Tsai L.* Accountability Without Democracy: Solidary Groups and Public Goods Provision in Rural China. Cambridge University Press. 2007.
- Valencia F., Laeven L.* Systemic Banking Crises Database: An Update. Working Paper. IMF. Washington. 2012. No. 12/163, 01.06.2012. — URL: [imf.org/en/Publications/WP/Issues/2016/12/31/Systemic-Banking-Crises-Database-An-Update-26015](https://www.imf.org/en/Publications/WP/Issues/2016/12/31/Systemic-Banking-Crises-Database-An-Update-26015) (date of access: 14.04.2020).
- Wu M.* The China Inc. Challenge to Global Trade Governance // Harvard International Law Journal. Vol. №2. Spring 2016. P. 261–324. — URL: [semanticscholar.org/paper/The-'China%2C-Inc.'-Challenge-to-Global-Trade-Wu/8cd168871fde09a98c35f371194ca4df10135097](https://www.semanticscholar.org/paper/The-'China%2C-Inc.'-Challenge-to-Global-Trade-Wu/8cd168871fde09a98c35f371194ca4df10135097) (date of access: 14.04.2020).